

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

чаѣ я думаю, что эта шалость была разсказана Баратынскимъ г. Кичеву раньше, чѣмъ истинная причина исключенія изъ корпуса.

Николай Максимовъ.

Письмо артиллерійскаго подпоручика Бонапарта, (впослѣд. императора Наполеона I) 12 іюня 1789 г.

Въ двадцатыхъ числахъ марта 1813 г., французскія войска (корпусъ генерала Морана) были на-голову разбиты на лѣвомъ берегу Эльбы, при Люнебургѣ, отрядомъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала А. Чернышева. Моранъ былъ раненъ. Весь его штабъ, 100 офицеровъ, 2900 солдатъ, 9 пушекъ и всѣ бумаги генерала Морана достались въ руки побѣдителей. Въ числѣ бумагъ найдено чрезвычайно любопытное письмо, за собственноручною подписью Наполеона Бонапарта къ генералу Паоли, бывшему правителемъ Корсики. Письмо относится къ 1789 году, когда будущій повелитель Франціи былъ еще простымъ артиллерійскимъ офицеромъ, никогда не мечтавшимъ о томъ великомъ жребіи, который ему готовила судьба. Въ этомъ частномъ письмѣ, котораго, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни въ одномъ собраніи писемъ и бумагъ Наполеона I,—онъ высказывается какъ заклятый врагъ французовъ и пылкій корсиканскій патріотъ, сомнѣвающійся въ своей будущности и готовый принести себя въ жертву за свободу своей родины.

Помимо обще-историческаго значенія этого документа, онъ относится, непосредственно, не только къ Франціи, но и къ Россіи, характеризуя личность человѣка, по волѣ котораго нашему отечеству пришлось пережить столько тяжелыхъ и въ тоже время славныхъ, незабвенныхъ дней, обновиться въ московскомъ пожарѣ и въ лицѣ своего монарха возвѣститъ миръ народамъ Европы.

Генералъ Чернышевъ въ P. S. къ рапорту отъ 24 марта 1813 г. изъ Буатценбурга, пишетъ:

„Осмѣливаюсь приложить къ этому письму, ваше величество, два весьма любопытныхъ документа: одинъ изъ нихъ—письмо, написанное въ 1789 году Наполеономъ Бонапартомъ, артиллерійскимъ офицеромъ régiment de la Ferre, генералу Марбёфу (Marbouf), дающее уже понятіе о человѣкѣ, и найденное мною между бумагами генерала Морана (Morand), бывшаго губернатора Корсики“ *).

Въ этой припискѣ Чернышевъ, какъ намъ весьма обязательно сообщила П. А. М.—въ, дѣлаетъ грубую ошибку. Письмо Наполеона положительно писано не къ Марбёфу, а къ Paoli (Pascal, род. въ 1726). Это тотъ самый Паоли, который въ 1755 г. сталъ во главѣ правленія своего отечества Корсики и, образовавши маленкій флотъ, весьма успѣшно боролся съ владыками Корсики—генуезцами. Послѣ мира, заключеннаго генуезцами въ 1761 г.,—Паоли обратилъ на себя

*) „J'ai l'honneur d'adresser à votre majesté sous ce pli, deux pièces, très-curieuses: l'une d'elles est une lettre, écrite en 1789 par Napoléon de Bonaparte, officier d'artillerie au régiment de la Ferre, au G-l Marboeuf, qui fait déjà connaître l'homme, et que j'ai trouvé parmi les papiers du général Morand, qui a été ci-devant gouverneur de la Corse“.

вниманіе всей Европы тою славною дѣятельностью законодателя, которую онъ проявилъ въ Корсикѣ, введя здѣсь суды, учредивъ университетъ и проч. Ж. Ж. Руссо готовъ былъ явиться въ Корсику и содѣйствовать воинно-законодателью въ его дѣятельности на преуспѣяніе юной республики. Но вотъ являются, въ 1767 г., французы подъ начальствомъ графа де-Марбѣфа, и генуезцы уступаютъ Франціи свои домогательства на Корсику. Паоли—протестуетъ, старается силою оружія противодѣйствовать новымъ поработителямъ его родины, но онъ разбитъ и вынужденъ бѣжать въ Лондонъ. Здѣсь Паоли пробылъ до 1789 года и сюда, къ этому бойцу за независимость Корсики писалъ Бонапартъ, безвѣстный еще офицеръ и пылкій въ то время врагъ французовъ. Между тѣмъ, въ концѣ 1789 г. Паоли — получивъ прощеніе, явился въ Парижъ, и былъ весьма хорошо принятъ правительствомъ. Людовикъ XVI произвелъ его въ генераль-лейтенанты и назначилъ губернаторомъ въ Корсику. Вынужденный бурнымъ потокомъ событій послѣдующаго времени вновь возстать противъ Франціи, Паоли тщетно искалъ въ королѣ Англии протектора Корсики.—Этотъ замѣчательный человѣкъ умеръ близъ Лондона, въ одной деревнѣ, въ 1807 г., съ глубокимъ отчаяніемъ видя въ послѣдніе годы своей жизни Францію управляемую человѣкомъ, которому онъ нѣкогда покровительствовалъ и qui n'avait pu rester son ami — какъ говоритъ авторъ біографіи Паоли.

Изложивъ въ настоящей замѣткѣ главнѣйшія обстоятельства жизни корсиканскаго патріота, намъ не нужно распространяться о томъ, что письмо Бонапарта было писано именно къ нему. Все содержаніе письма ясно то свидѣтельствуетъ. Наконецъ, хотя Наполеонъ въ ранней юности и зналъ Марбѣфа и былъ лично ему обязанъ какъ человѣку, содѣйствовавшему опредѣленію его въ 1777 г. въ Бренискую военную школу, но писать поработителю Корсики въ 1789 году уже потому не могъ, что маршалъ графъ де-Марбѣфъ — умеръ въ 1788 году.

Ред.

(Переводъ): Генераль! Я родился въ тотъ годъ, когда отечество погибало; первое возмутительное зрѣлище, представившееся моимъ глазамъ, было нашествіе тридцати тысячъ французовъ, погрузившихъ свободу въ кровавыя волны.

Съ самого моего рожденія вокругъ моей колыбели слышались вопли умирающихъ, стоны притѣсненныхъ, проливались слезы отчаянія.

Вы покинули нашъ островъ и съ вами покинула насъ надежда на счастье; рабство было цѣною нашего подчиненія; воинъ, юристъ, финансистъ наложили тройную цѣпь на нашихъ соотечественниковъ, и они презираемы... презираемы тѣми, которые имѣютъ всѣ силы администраціи въ своихъ рукахъ! Не есть ли это самая жестокая пытка, которую можетъ испытать чувство? Неужели несчастный перуанецъ, погибавшій въ оковахъ корыстнаго испанца, испытывалъ болѣе мучительное притѣсненіе?

Измѣнники отечества, низкіе люди, испорченные алчностью, распространяли, въ свое оправданіе, клеветы противъ національнаго правительства и противъ васъ въ особенности; писатели же, принимая эти клеветы за истину, передаютъ ихъ потомству.

Чтеніе ихъ возбудило во мнѣ мужество, и я рѣшился разсѣять туманъ, порожденный невѣжествомъ: раннее изученіе французскаго языка, продолжительныя наблюденія и записки, почерпнутыя изъ бумагъ патриотовъ, даютъ мнѣ возможность надѣяться на успѣхъ.

Я хочу сравнить ваше управленіе съ настоящимъ.... я хочу изблечь тѣхъ, которые измѣнили общему дѣлу.... я хочу призвать къ суду общественнаго мнѣнія правителей, обнаружить ихъ притѣсненія, раскрыть ихъ подпольныя интриги и, если возможно, возбудить участіе добродѣтельнаго министра, управляющаго государствомъ, къ плачевной участи, которая всегда насъ мучила и теперь еще такъ жестоко мучить.

Если бы мои средства позволили мнѣ жить въ столицѣ, то я, разумеется, нашелъ бы другіе способы для того, чтобы заставить услышать наши стоны; но, вынужденный служить, я принужденъ довольствоваться одною гласностью; что же касается до частныхъ записокъ (мемуаровъ), то онѣ или не достигнутъ извѣстности, или же будутъ заглушены криками недоброжелателей и причинять только гибель автору.

Я еще молодъ, и потому мое предпріятіе, можетъ казаться слишкомъ отважнымъ; но любовь къ истинѣ, къ отечеству, къ моимъ соотечественникамъ, увлеченіе, всегда заставлявшее меня видѣть въ перспективѣ улучшенія въ нашемъ государствѣ, будутъ меня поддерживать.

Если вы удостоите, генераль, одобрить трудъ, въ которомъ такъ много будетъ говорено о васъ, если вы удостоите поощрить старанія молодого человѣка, котораго вы знаете съ самаго его рожденія, и родители котораго всегда были преданы правой сторонѣ, то я осмѣливаюсь надѣяться на успѣхъ.

Я надѣялся одно время имѣть возможность быть въ Лондонѣ, для того, чтобы высказать вамъ тѣ чувства, которыя вы во мнѣ возбудили и поговорить съ вами о несчастіи отечества; но разстояніе воспрепятствовало этому желанію; можетъ быть настанетъ день, когда я буду въ состояніи преодолѣть это препятствіе.

Каковъ бы ни былъ успѣхъ моего труда, я чувствую, что онъ возбуждаетъ противъ меня всю шайку французскихъ чиновниковъ, управляющихъ нашимъ островомъ и затронутыхъ мною: но чтб мнѣ до того, когда дѣло касается пользы моего отечества! Я буду слышать брань негодяевъ и когда, наконецъ, ихъ гнѣву разразится надо мной, я обращаюсь къ моей совѣсти, вспомню всю правоту моихъ побужденій и тогда гнѣвъ этотъ не будетъ для меня страшенъ.

Позвольте мнѣ передать вамъ глубочайшее почтеніе моего семейства и — зачѣмъ же не прибавить — моихъ соотечественниковъ; они вздыхаютъ о томъ времени, когда надѣялись на свободу. Мать моя, сеньора Летиція, поручила мнѣ напомнить вамъ время, проведенное вами въ Корсикѣ.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, генераль, вашъ покорнѣйшій и почительнѣйшій слуга Наполеонъ Бонапартъ, офицеръ пѣшаго артиллерійскаго полка.

Бургонь, 12 іюня 1789 г.

(Подлинникъ): Seigneur général. Je naquis quand la Patrie périssoit; trente mille Français vomis sur nos côtes, noyant le trône de la Liberté dans des flôts de sang, fut le spectacle odieux, qui vint le premier frapper mes regards.

Les cris du mourant, les gémissèments de l'opprimé, les larmes du désespoir, dès ma naissance environnèrent mon berceau.

Vous, quittant notre île, et avec vous, l'espérance du bonheur; l'esclavage fut le prix de notre soumission; accablé sous la triple chaîne du militaire, de l'homme de Loi, du financier, nos compatriotes vivent méprisés..... méprisés par ceux, qui ont les forces de l'administration en main! n'est ce pas la plus cruelle des tortures que puisse éprouver le sentiment? L'infortuné Péruvien, périssoit sous le fer de l'avidè Espagnol, éprouvait-il donc une véxation plus ulcérante?

Les traîtres à la patrie, les âmes viles, que corrompt l'amour d'un gain sordide ont pour se justifier, parsemés des calomnies contre le gouvernement national et votre personne en particulier: les écrivains, les adoptant comme des vérités, les transmettent à la postérité.

En les lisant, mon courage s'est échauffé, et j'ai resolu de dissiper ces brouillards, enfans de l'ignorance: une étude prématurée de la langue française, de longues observations, et des mémoires, puisés dans les portefeuilles des patriotes, m'ont mis à même d'espérer quelque succès.

Je veux comparer votre administration avec l'actuelle.... je veux, du pinceau de l'infamie, noircir ceux, qui ont trahi la cause commune..... je veux au Tribunal de l'opinion publique, appeler ceux qui gouvernent, d'effeuiller (?) leurs véxations, découvrir leurs sourdes menées, et s'il est possible, intéresser le vertueux ministre, qui gouverne l'Etat, au sort déplorable, qui nous a toujours tourmenté et nous afflige encore si cruellement.

Si ma fortune m'eût permis de vivre à la Capitale, j'aurais eu, sans doute, d'autres moyens pour faire parvenir nos gémissèments; mais obligé de servir, je me trouve réduit au seul moyen de la publicité; car pour des mémoires particuliers, ou ils ne parviendraient pas, ou étouffés par la clameur des intéressés, ils ne feraient qu'occasionner la perte de l'auteur.

Jeune encore, mon entreprise peut être téméraire, mais l'amour de la vérité, de la Patrie, de mes compatriotes, cet enthousiasme que m'inspire toujours la perspective d'une amélioration dans notre Etat me soutiendront.

Si vous daignez, seigneur général, approuver un travail, ou il sera si question de vous, si vous daignez encourager les efforts d'un jeune homme, que vous vites naître, et dont les parens furent toujours attachés au bon parti, j'oserai augurer favorablement du succès.

J'esperais quelque tems pouvoir venir à Londres vous exprimer les sentiments que vous m'avez fait naître, et causer ensemble des malheurs de la Patrie; mais le grand éloignement y met obstacle; viendra, peut être, un jour où je me trouverai à même de le surmonter.

Quelque soit le succès de mon ouvrage, je sens qu'il soulevra contre moi la nombreuse cohorte d'employés français, qui gouvernent notre île, et que j'attaque: mais qu'importe s'il y va de l'intérêt de la Patrie! j'entendrai gronder le méchant et si le tonnerre tombe, je descendrai dans ma conscience, je me souviendrai de la légitimité de mes motifs et dès ce moment le braverai.

Permettez moi, seigneur général, de vous offrir les hommages de ma famille; eh! pourquoi ne dirai-je pas de mes compatriotes; ils soupiraient au souvenir d'un tems, où ils espérèrent la liberté: ma mère, la signora Letizia, m'a chargé surtout de vous renouveler le souvenir des années écoulées à Corse. Je suis avec respect, seigneur général, votre très-humble et très-obeissant serviteur. Napoleon di Bonaparte off. de Reg. de la terre art.

Bourgogne, le 12 juin 1789.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Опечатки: Въ II т. «Русск. Стар.» на стр. 13, строка 1 слѣдующая опечатка: «alever» чит.: «alcit». — и на стр. 3 строка 4 снизу: «при Лисковантъ» чит.: «при Лисковатѣ». На стр. 73 т. II-го: напечатано: «Отъ Неглиной — до Москвы», читай: «Отъ Неглиной — до Невы».